

Идеальные отношения, планы на будущее, забота и романтика — семейная жизнь Пола и Ребекки была безупречна. И даже измену Пола они смогли пережить, не распрощавшись. Но все разрушилось, когда Ребекка стала следить за мужем: а вдруг он опять изменит? Тут же она обнаружила, что с их общего счета исчез почти миллион долларов. А также то, что Пол лжет о своих поездках и встречах... И когда от бывшего доверия не остается и следа, Ребекка и Пол внезапно становятся соучастниками убийства.

Сага настолько темная, что на ее фоне «Исчезнувшая» покажется романтикой. Это потрясает, как «Большая маленькая ложь» и «Женщина в окне».

Entertainment Weekly

Это шокирующая многочисленными поворотами история об обмане и о том, как любовь может превратиться во что-то гораздо более зловещее. Ведь самые близкие люди могут скрывать самые ужасные секреты...

Amazon

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-7930-8

9 786171 279308

Е. ДЖ. СКОТТ ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕНА

Е. ДЖ. СКОТТ

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕНА

ПОСЛЕДНЯЯ
ЖЕНА

E.G. SCOTT

THE WOMAN
INSIDE

A Novel

Е. Дж. Скотт

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕНА

Роман

УДК 821.111(73)
С44

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Scott E. G. *The Woman Inside : A Novel* / E. G. Scott. —
New York : Dutton, 2020. — 336 p.

Перевод с английского *Антонины Ивахненко*

Дизайнер обложки *Петр Вихорь*

ISBN 978-617-12-7930-8
ISBN 978-1-5247-4452-6 (англ.)

© E. G. Scott, 2019
© DepositPhotos.com / xload, So-
nyachny, обложка, 2020
© Hemiro Ltd, издание на русском
языке, 2021
© Книжный Клуб «Клуб Семей-
ного Досуга», перевод и худо-
жественное оформление, 2021

Пролог

Прежде чем сесть в свой кроваво-красный БМВ, он ослепляет меня улыбкой на миллион долларов. Тихо урчит двигатель, под колесами шуршит щебень, и я невольно вспоминаю о том, как меня везли сюда в первый раз. Тогда все было совершенно иначе. Никто не думал, что я смогу выбраться отсюда.

В ту ночь я не видела, куда он меня везет, и мне пришлось положиться на остальные чувства. Ветер разносил резкий запах сосен и соли, шелестел листьями, и эти запахи и звуки в разлившейся вокруг меня темноте можно было легко спутать с шумом океана. Когда машина замедлила ход, а щебень под колесами сменился гравием, мое сердце забилось в страхе перед неизвестностью. Я понятия не имела, как изменится моя жизнь, когда мы остановимся.

Прощальный гудок вернул меня из воспоминаний. Я уже вышла из машины и стою перед домом. Я машу рукой, и бриллиант размером в три карата сверкает в послеполуденном солнце. Машина срывается с места, поднимая волну гладких камешков. Он еще раз оглядывается и подмигивает мне, и его красивый профиль, отдаляясь, становится все более размытым, пока полностью не исчезает. Подозреваю, что это не последняя наша встреча.

Улыбаясь, я переступаю порог и захлопываю дверь в прошлое. Я так много пережила, чтобы сделать этот шаг в новую жизнь. Теперь я здесь живу.

Передо мной открывается величественная картина. Умопомрачительный двусторонний каменный камин вздымается до самого стрельчатого свода и уходит за его пределы. Расположенные по периметру окна создают восхитительный эффект призмы на паркетных полах. Несколько минут я стою в верхней точке фойе, наслаждаясь открывшимся

видом. Второй этаж похож на церковные хоры, а фойе — на кафедру священника.

Медленно перехожу из комнаты в комнату, обращая внимание на каждую деталь. Когда я ходила здесь в прошлый раз, все было иначе: вокруг царила тьма, я страдала от боли и сомневалась, что сумею выжить. Теперь же каждый сантиметр приобретает для меня новый смысл. Я провожу руками по тщательно подобранному дереву, камню и граниту и снимаю обувь, чтобы ощутить кожей такие разные фактуры.

Я прохожу мимо двери подвала, не решаясь ее открыть: еще очень нескоро я смогу спуститься по ступеням, не думая о том, как поднималась по ним в темноте. Но я благодарна судьбе, что вернулась сюда, причем на своих условиях. Я с радостью оставляю мрачное прошлое внизу, под замком. Настало время для новой жизни.

В воздухе висит запах промышленного чистящего средства, уничтожившего все свидетельства происшедшего. Мне все равно. Это напоминание о том, как сильно я боролась. Дом наполнен тишиной и покоем. Глубоко во мне, где-то между сердцем и горлом, рождается новое чувство.

Я смотрю на вишневые доски пола, сосновые балки потолка, широкое панорамное окно, занимающее почти всю заднюю стену дома с видом на декорацию из густого леса и неба, и думаю о том, что этот дом построен с любовью. И с безумством.

Я закрываю глаза и вспоминаю первую ночь, проведенную здесь. Звук двигателя, работающего на холостом ходу. Мрак. Вспоминаю, как меня задвинули подальше, но я снова вышла на первый план. И приобрела еще один шанс получить все то, чего когда-либо хотела.

Даже самый длинный туннель рано или поздно приводит к свету.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

РЕБЕККА

Сейчас

Пончик начинает лаять еще до того, как раздается звонок в дверь.

Пол выскальзывает из моих объятий и запрыгивает в спортивные трусы и футболку. Я неподвижно лежу под прохладными простынями и смотрю, как он одевается. Он быстро целует меня и спускается по лестнице, чтобы выпустить незваных гостей, нарушивших нашу утреннюю любовную негу.

С колотящимся сердцем я натягиваю ночную рубашку на еще не остывшее от его прикосновений и поцелуев тело. Прежде чем встать на верхнюю ступеньку лестницы, я выжидаю, пока они в сопровождении Пончика, нашего ньюфаундленда, перейдут в кухню. Пончик взволнованно бежит за людьми, цокая когтями по деревянному полу, а затем по плитке. Они меня не видят, но я прекрасно слышу их вопросы и спокойные ответы Пола.

Я выжидаю удобный момент и начинаю спускаться на первый этаж, повторяя, как заклинание, после каждой ступеньки: *«Нас не поймают, нас не поймают, нас не поймают, мы выйдем сухими из воды»*.

Я еще не знала, что два детектива, появившихся у нас на пороге, окажутся самой легкой частью сегодняшнего дня.

* * *

Я торговый представитель. Я продаю лекарства.

Платят за это до смешного много. Я хорошо знаю врачей и понимаю, что конкретно им нужно, чтобы помочь пациентам чувствовать себя лучше. Я умею так построить разговор с клиентом, что его начинает переполнять ощущение

собственного величия, однако при этом он доверяет моим словам и искренне хочет купить то, что мне нужно продать. В моем исполнении слова о побочных эффектах и даже сами названия лекарств звучат поэтично. С кем бы я ни сталкивалась, мне достаточно нескольких минут, чтобы сказать, какое средство подойдет этому человеку лучше всего. Ведь я отлично знакома с магией химии, а она прекрасно работает на меня. Не забываем о самоанализе.

К тому времени, когда я подхожу к своему столу, рабочий день уже в разгаре, а я до сих пор не оправилась от утренних событий. По пути в офис мне даже пришлось принять лишнюю таблетку, чтобы хоть немного прийти в себя.

На моем телефоне зловеще мигает красный огонек. Марк уже отправил мне электронное письмо, чтобы я зашла в его кабинет, и почти одновременно повторил просьбу в СМС. Я поднимаю голову и вижу, что он стоит в дверях своего кабинета со своим обычным заказом из «Старбакса» в руке. Небрежным курсивом на чашке написано «MARV», и я улыбаюсь, хотя мой день с самого утра не задался. Вид у него всегда самодовольный, но сегодня он необычно серьезен. Делает мне знак следовать за ним и поворачивается на каблуках своих туфель от Гуччи. Похоже, кое-кому не помешало бы принять успокоительное. Впрочем, я его не осуждаю: недавно узнала, что у него тоже проблемы в семье.

Я удивленно поднимаю брови и кладу вещи на стул. Стараюсь не обращать слишком много внимания на любопытные взгляды коллег. Большинство из них уже принимают различные антидепрессанты, но многим я бы рекомендовала повысить дозировку. Как странно, что в нашем коллективе столько несчастных людей — у нас ведь свободный доступ к любым медикаментам, повышающим настроение.

Я подавляю растущее чувство страха, возникшее еще утром с появлением неожиданных гостей, и, пытаюсь взять себя в руки, глотаю полтаблетки сильного болеутоляющего и запиваю его кофе. Черным кофе. Молочные продукты и сахар убивают. Затем направляюсь в кабинет Марка.

— Присядь, Ребекка, — говорит он.

Я сразу заметила, что сегодня, в отличие от предыдущих недель, он не закрыл за мной дверь. Раньше, когда огромный общий офис пустел, на столе появлялась бутылка водки, превращая ошибочные решения в единственно верные, — например, решение сорвать с себя одежду в порыве страсти.

— Марк... — Я кокетливо улыбаюсь и наматываю прядь волос на палец. — Ты чего такой серьезный?

Но ему не смешно. Скорее он злится.

Его жена, которая, как он сказал, ушла от него три недели назад, на самом деле пропала без вести. Знает ли он, что мне уже известна эта информация, пока не ясно.

На лице мужчины читается что-то похожее на беспокойство, но он быстро берет себя в руки. Это явно не то, что он хочет обсудить со мной. Я немного удивлена, что Марк продолжает приходить в офис во время расследования, но, наверное, привычная работа утешает его.

Я хотела бы посочувствовать ему, но знаю, какой он ужасный муж. В раздевалке после занятий на велотренажерах я часто слышала о его безразличии к ней и, кроме того, как говорится, испытала на себе его неверность. Я не горжусь своей ролью в этом, но у меня была цель.

Я собиралась рассказать ему о своих утренних посетителях, но решила повременить. Он задумчиво потягивает кофе. Его лицо мрачнеет.

— Ребекка, я больше не могу тебе покровительствовать. Люди начинают задавать вопросы. Кто-то настучал в отдел кадров, что наши отношения подозрительны. Я не знаю, с кем ты откровенничала, но это было феерически глупо, так что за последствия отвечать тебе. При нынешних правилах игры я могу потерять работу, хотя ты виновата не меньше. К тому же ходят слухи, что ты слишком часто пополняешь личный запас образцами медикаментов.

Мне нужно время, чтобы мой охваченный паникой мозг заработал. Из-за принятого утром обезболивающего

я немного дезориентирована и склонна к паранойе. Я не знаю, что сказать, поэтому просто киваю и пытаюсь придать лицу серьезное выражение.

— Ты замечательный торговый представитель — ну, или была замечательным представителем. Но ты стала проявлять небрежность и теперь откровенно напрягаешь компанию. Я понимаю, что тебе нравится трахаться, и мне тоже нравится с тобой трахаться, но ты начала брать слишком много образцов и кое-кто обратил на это внимание.

Вот черт, до меня, кажется, дошло, к чему он клонит. Абсурд, но я представляю его жену Сашу, которая крутит педали рядом со мной на тренировке: последние полгода она приходила в клуб через день, несмотря ни на что, — пока с ней не случилось непоправимое.

— Я не беру ничего, кроме того, что ты мне даешь. Честно. — Это, конечно, ложь.

— Ты себя выдала. Уже несколько месяцев ты ведешь себя странно. Да ладно, Ребекка, ты лучше всех знаешь, что это дерьмо имеет сильные побочные эффекты. А ты ведешь себя как новичок. И давай посмотрим правде в глаза — ты уже слишком стара для должности торгового представителя.

Как это похоже на Марка — нанести удар в спину и для верности повернуть нож в ране. Я невольно сжалась.

— Марк, ты же знаешь, сколько денег я заработала для этой компании и сколько денег я сэкономила для нее...

— Ребекка, пожалуйста. У меня есть проблемы и посерьезнее, чем твоя. Ты вне игры. Ты можешь сделать это достойно: уйди по собственному желанию. Уходи прямо сейчас и не привлекай слишком много внимания. Или я подам официальную жалобу на твой чересчур глубокий интерес к образцам, что привлечет к тебе много нежелательного внимания. Но я могу держать отдел кадров подальше от твоей персоны, если ты не выкинешь какой-нибудь фокус. Думаю, в твоих же интересах сохранить достоинство, не так ли?

Мой добровольный уход — исключительно в его интересах. Он знает, что если уволит меня, то я могу бросить на

него тень, рассказав менеджерам по персоналу правду о нашей с ним сверхурочной работе. И, что еще хуже для Марка, я могу сообщить им о его сомнительных отношениях с правдой, конкретно — касательно испытания одного препарата, имевшего катастрофические последствия. Но я полагаю, что эта информация может оказаться более полезной для меня при других обстоятельствах, и решаю сохранить ее на черный день. Тем более что Марк нужен мне больше, чем я ему.

— Ребекка!

Я открываю рот, собираюсь дать волю своим эмоциям.

— Не устраивай сцену. Если ты, конечно, не хочешь полностью расстроить наши отношения вне работы. Наш разговор закончен.

Он это так убедительно произнес, что я хватаю воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег.

Мне физически плохо, и сейчас я больше всего на свете нуждаюсь в свежем воздухе. Я киваю, встаю со стула и иду к своему столу. Останавливаюсь, чтобы взять сумочку. Но когда я протягиваю руку к ноутбуку, помощница Марка по имени Кристина, эта двадцатипятилетняя фифа с губами-варениками, в платье, больше подходящем для казино, набрасывается на меня и вырывает его из моих рук.

— Это собственность компании!

Ее самодовольная улыбка обнажает неестественно белые зубы. Она всегда терпеть меня не могла.

Я не оглядываюсь, но спиной чувствую на себе взгляды коллег. Я сохраняю самообладание достаточно долго — до входа в лифт. Но когда двери закрываются, я позволяю себе всхлипнуть — один-единственный раз, при этом с такой силой втягиваю воздух в легкие, что едва не ломаю ребра.

Когда лифт опустился на первый этаж, я уже разработала план.

Я подхожу к машине, сажусь и, прежде чем выдохнуть, пристегиваюсь и запускаю двигатель. Открываю приложение «Ситибанк» и нажимаю на нашу общую учетную запись. В последнее время я нечасто смотрела баланс по счету

и не знаю, сколько именно там должно сейчас быть, но уверена, что явно больше миллиона. Однако вместо ожидаемого солидного баланса я вижу ничтожно маленькую сумму. Я в замешательстве. Я несколько раз подряд обновляю страницу, но вижу ту же мизерную сумму. Это далеко не то, на что я рассчитывала. Это не может быть правдой. Придется сходить в банк.

Когда я выезжаю с парковки, навстречу мне движется серый «Форд Краун Виктория». Один из сидящих в нем мужчин мельком смотрит в мою сторону, затем его взгляд становится пристальным, и я тут же отвожу глаза в сторону и выезжаю на главную дорогу. В зеркало заднего вида я вижу, как они паркуются рядом с местом, где стояла моя машина. Я замедляю ход и смотрю, как знакомые силуэты выходят из «форда» и направляются к офисному зданию.

Ситуация быстро ухудшается.

* * *

Я не помню, когда в последний раз проходила через заставленный банкоматами вестибюль, направляясь в пустынный зал банка. Но когда на экране банкомата отобразилась все та же незначительная сумма на нашем счету, у меня просто не осталось выбора.

Сидящий напротив меня потный менеджер, похоже, очень удивился, когда я потребовала у него объяснения. Разбираться с разгневанной бабой перед обедом — явно последнее, чем он хотел бы заняться. Ему пошли бы на пользу десять миллиграммов клоназепама¹ — каждые три часа и до самого конца его потных дней.

Прости, Джейсон, но у меня больше нет доступа к волшебному чемоданчику с таблеточками, иначе я нырнула бы в него и передала бы тебе кое-что из своих запасов — это помогло бы тебе смириться с нашей беседой.

¹ Противозепилептическое лекарственное средство. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

Отказываясь верить в происходящее, я едва сдерживаю желание кого-нибудь убить. Джейсон несколько раз прочищает горло, прежде чем нервно подтверждает то, что я и так уже знаю. Он пускает петуха почти после каждого слова.

— Мэм, остаток на счету составляет пять тысяч долларов, и я не понимаю, что еще вы хотите от меня услышать.

На нашем общем с Полом счету в настоящее время лежит на 995 тысяч долларов меньше, чем должно быть. И я не знаю, что меня больше бесит: эта новость или то, что ко мне обращаются «мэм».

— Джейсон, вы можете объяснить мне, куда могли испариться наши двадцатилетние сбережения?

— Похоже, за последние несколько недель ваш компаньон неоднократно снимал или переводил крупные суммы, — отвечает менеджер, ослабляя узел на своем галстуке.

Пол. Это была его идея — открыть общий накопительный счет в день нашей свадьбы. Так мы думали накопить на собственный дом, о котором говорили с самого первого свидания. Давление у меня резко падает, кровь шумит в ушах, конечности леденеют...

Я не хватаю со стола табличку с именем Джейсона и не запикиваю ее ему в глотку. И не объясняю ему, что собиралась опустошить кубышку и улететь куда-нибудь подальше, а он сильно подрезал мне крылья.

— Джейсон, я не понимаю. Как мой муж мог взять все деньги без моего письменного согласия?!

Мое возбуждение привлекает взгляды сотрудников Джейсона. Они откровенно радуются, что я не обратилась за консультацией к ним. Джейсон потеет еще сильнее. Когда он шелкает по клавиатуре и щурится в монитор, чтобы не смотреть на меня, лекарства начинают действовать. Волна божественного спокойствия уносит прочь тошноту и панику, которые вспыхнули, когда Марк позвал меня к себе в кабинет. Главное — не поддаваться панике. Я справлюсь.

Я незаметно достаю из кармана пиджака еще одну продолговатую таблетку и незаметно кладу ее в рот. Таблетка

растворяется, оставляя на языке приторный химический привкус, и я мгновенно успокаиваюсь. Обычно я не принимаю столько таблеток днем. Но сегодняшние события заставили отойти от некоторых правил.

Я окидываю взглядом пространство банка. За соседними столами, уткнувшись в экраны телефонов, сидят молодые люди в новехоньких костюмах. По движениям их рук я могу сказать, что они борются со скукой. Благодаря таблеткам я поймала дзен и спокойно сижу в кресле, глядя, как Джейсон морщит лоб и подтверждает: да, Пол, мой ответственный, предсказуемый, надежный муж, уже давненько запускает лапу в наш общий счет. И, похоже, не намерен отказывать себе в этом.

Как будто он тоже составил план побега.

Джейсон снова извиняется и предлагает отправить мне по электронной почте перечень дат и сумм вывода средств; я киваю и бормочу что-то, напоминающее «да». Наконец я собираюсь с духом и встаю.

Сидя в машине, я ловлю себя на том, что подпеваю радио, хотя и понимаю: это никак нельзя назвать адекватной реакцией на все случившееся. Мое настроение похоже на чистое безбрежное весеннее небо, раскинувшееся у меня над головой, и я вспоминаю, что сегодня — первое апреля. Все это могло бы быть прекрасной шуткой. Я шурюсь и вижу, что уже въехала на подъездную дорожку, при этом из головы напрочь вылетело время между отъездом из банка и прибытием домой. Время сегодня играет со мной.

Автомобиля Пола возле дома нет. Учитывая, который час, этого следовало ожидать. К счастью, поблизости нет и других машин, устроившихся в засаде. Я передумала подъезжать к парадному входу. Я даю задний ход, потом сворачиваю за угол и паркуюсь на второстепенной дороге, за домом: здесь обычно пусто, если не считать соседских подростков, направляющихся в школу или возвращающихся после уроков.

Я захожу через заднюю калитку и плотно закрываю ее за собой. Замок громко щелкает.

Я несусь через двор, открываю заднюю дверь и бегу по кухне к дивану, зная, что именно там я найду его ноутбук. Пончик мчится ко мне — показать, как он рад меня видеть. Он прижимается мордой к моей руке и смотрит в сторону прихожей, где висит его поводок; но все, что я могу сейчас для него сделать, — это погладить по огромной голове.

Он поворачивается ко мне своей широкой черно-белой спиной, и вся семидесятикилограммовая туша падает к моим ногам, довольствуясь своим незамысловатым блаженством. Я люблю его, но, поскольку он всегда был скорее собакой Пола, его присутствие разжигает во мне мысли о моем вороватом и лживом муже. Я тяну Пончика за ошейник к входной двери и выгоняю его на улицу. Мне необходимо побыть одной, пока я навожу справки. Пес жалобно скулит, но в следующее мгновение его внимание привлекает белка, и он бежит к дальнему концу ограды.

Наш дом прост и незамысловат. Это двухэтажный коттедж, расположенный вдали от главной дороги, на небольшом участке, огороженном белым забором. Площадь дома составляет сто сорок квадратных метров, в нем есть две спальни (одну из них Пол превратил в домашний офис) и две ванннные комнаты. После более дорогого, но менее просторного жилья (пятьдесят пять квадратов) на Манхэттене мы почувствовали себя как во дворце.

Постоянное жаркое проникновение друг в друга и в личное пространство в целом — из-за отсутствия дверей — сошло на нет через несколько лет после переезда. А потом появился Пончик, который уже в полгода весил килограммов сорок, так что нам в нашей постели буквально не осталось места.

Пончик, возможно, послужил связующим звеном, когда мы не могли решиться завести детей. Наша импульсивная сиюминутная совместная любовь с первого взгляда к обманчиво маленькому шенку — тогда он был размером с поллитровую банку, — вспыхнувшая во время нашей хмельной послеобеденной прогулки вблизи соседнего зоомагазина,

оказалась подлинной. Пол назвал его Пончиком. Когда пес вырос, он весил уже больше нас, а на собачий корм уходила сумма, равная четверти нашей ренты, так что он стал последним пушистым оправданием нашему отъезду из города.

Мы загрузили все свои вещи в один маленький фургончик и направились в родной город Пола — Стони-Брук, что на Лонг-Айленде. Там один приятель нашел для нас выгодное предложение, и мы купили наш первый дом. Пять минут прогулочным шагом до океана и задний двор, который был в два раза больше нашей квартиры, быстро ослабили шок от осознания того, что теперь мы будем смотреть на город, а не жить в нем. Все было отлично.

Я окидываю взглядом кухню, переходящую в гостиную, и замечаю свое отражение в висящем над камином большом позолоченном зеркале, купленном на распродаже много лет назад. Вид у меня изможденный после всех событий тяжелого дня, а глаза опухли и покраснели, как будто я прорыдала всю ночь. Мои каштановые волосы потускнели, лицо побледнело. Мне многие говорили (не только муж), что я красива, но сегодня я бы им не поверила. А ведь за сегодняшней день я еще не проронила ни слезинки! Я вообще крайне редко плачу.

Я решаю, что полдень — вполне подходящее время, чтобы налить себе большой бокал чего-нибудь покрепче. Эффект от лекарств начинает ослабевать, уступая дорогу эмоциям, которые мне сейчас точно не нужны. Я достаточно хорошо соображаю, чтобы понимать: в ближайшие два часа мне категорически нельзя принимать колеса. Я вовсе не хочу доставить им всем удовольствие, померев от передозировки.

Мы не большие любители горячительных напитков, поэтому единственный алкоголь под рукой — это бутылка шампанского с нашей последней годовщины свадьбы. Это хорошее шампанское. Из тех, которые стоят больше двухсот долларов и которые обычно приберегают для особого

случая. Пол принес ее домой на нашу девятнадцатую годовщину свадьбы вместе с охапкой длинных красных роз и поздравительной открыткой, которую — только сейчас это понимаю — я так и не удосужилась прочитать.

Я ему подарков не приготовила и решила, что лучшая защита — это нападение. В результате последние несколько наших годовщин не сильно отличались от большинства обычных вечеров: они проходили тихо, спокойно, без каких-либо событий — если не считать внепланового секса.

Пол был нежным и романтичным, а я так и не смогла выдать из себя проявление подобных чувств или хотя бы просто быть внимательной к нему. Я заявила, что не хочу страдать утром от похмелья и все, чего бы мне хотелось в данный момент, — лечь спать. На это Пол немного отчужденно ответил, что если я собираюсь ложиться спать, то он не прочь был бы прокатиться. Я даже не подумала спросить его, куда он собрался.

Внезапно перемены в моем дорогом муже, происшедшие за последние недели, приобрели в моих глазах гораздо более сложный характер. Улики, которые я старалась не замечать в угоду моим собственным интересам, вылезли наружу с пугающей ясностью. Удивительно, насколько мало значения мы можем придавать вопиющим деталям, если обладаем достаточно сильной волей.

Я наливаю себе первый бокал и выпиваю его залпом. После того как я покинула офис, мне даже в голову не пришло позвонить Полу. Разве он не должен быть тем человеком, которому я звоню во время душевного надлома? Особенно после всего того, что у нас произошло. Честно говоря, в какой-то мере я больше унижена тем, что Марк меня бросил, а не из-за увольнения, но вряд ли смогу обсудить со своим мужем поведение этого напыщенного убийцы самомнения.

Я совершенно не любила Марка, но мне очень нужно было его внимание, чтобы как-то мотивировать себя к работе и плюс к тому отвлекаться от домашних проблем.

И были еще сугубо практические, «химические» мотивации, к которым он имел доступ и которыми обеспечивал меня.

Я давно подозревала, что вся эта карьера стареющей девушки-фармацевта близится к концу. Никакое количество таблеток не могло этому помешать. И это случилось в самое неподходящее время. Речь не только о препаратах, рассованных по всем карманам, речь идет о моем возрасте и конкуренции. Речь о моей падающей эффективности. И о том, что я знаю о Марке.

К новым врачам требовался новый подход, и мои с трудом выстроенные отношения с лояльными, пусть и не всегда приверженными медицинской этике докторами, естественным образом подходили к завершению: один за другим они отправлялись на пенсию, а их места занимали амбициозные тридцатилетние выпускники университетов. Они наводнили город и его окрестности кабинетами частной практики, куда валом повалили невротики, флегматики и импотенты. Молодые врачи с их идеализмом и только что открывшейся частной практикой были еще достаточно зелеными, чтобы выделять час своего невероятно насыщенного дня для молодых и красивых торговых представителей: если заказать новые лекарства, девочки-фармацевты непременно еще раз навещат такого врача. В последнее время мой график встреч становился все менее и менее насыщенным.

Шампанское вызвало довольно приятные ощущения, и я расположилась поудобнее. Поставив ноутбук Пола себе на колени, я делаю подчеркнуто элегантный глоток «Вдовы Клико», взбиваю пальцами прическу и вздыхаю, как будто за мной кто-то наблюдает. Портрет дамы, делающей не характерные для нее подозрительные вещи. Учитывая нашу историю, вы могли бы подумать, что это будет не первый раз, когда я шпионю за Полом. И формально вы были бы правы. Признаться, я надеялась, что это осталось в прошлом. Удивительно, как быстро доверие сменилось чем-то гораздо более унылым.

В систему я вошла быстро. Я знаю все пароли Пола. Они всегда одинаковы: мое прозвище или дата нашей свадьбы. Я рассматриваю фото на его рабочем столе. Ему много лет: оно сделано на заре нашего брака. Тем летом мы бесстрашно отправились в Ист-Виллидж, чтобы серьезно заняться карьерой и со временем получить возможность построить жизнь, о которой мы оба так мечтали. Кем мы тогда были? Глупыми, наивными детьми, безумно влюбленными друг в друга, преисполненными оптимизма насчет общего будущего. Я слегка удивлена тем, что Пол выбрал нашу совместную фотографию, а не фото Пончика, как это сделала я на своем рабочем компьютере. Вот уж не ожидала, что позавижу мужу...

Я едва узнаю себя. Мои глаза ярче, а лицо более гладкое. Я улыбаюсь и смотрю не в камеру, а на Пола. Он смотрит вперед. У него такая широкая улыбка, что кажется, будто с каждой секундой она становится еще шире. С тех пор как была сделана фотография, он не сильно-то и состарился. Я рассматриваю его красивое лицо дольше, чем свое. Я не узнаю его.

С сомнением запускаю его электронную почту, делаю медленный вдох и готовлюсь заново познакомиться с собственным мужем.

2

ПОЛ

Ранее

Мы с женой — разные типы лжецов. Вообще, ложь — штука чрезвычайно занятная, но это начинаешь понимать только после того, как проживешь в браке почти два десятилетия. Я склонен проявлять творческий подход к деталям. Она же, со своей стороны, такими вещами пренебрегает.

Когда мы с Ребеккой познакомились, каждый из нас нес на себе груз пережитой травмы. Я полагаю, для нас обоих ложь сводится к контролю: своеобразная попытка управлять прошлым за счет перенастройки настоящего. Так мне объясняла психотерапевт, к которой меня направили, когда я был ребенком. Я помню это достаточно отчетливо, помню, как в тот момент отчаянно пытался произвести хорошее впечатление.

— Пол, можешь называть меня доктором А., хорошо? —
От ее улыбки мне становится тепло.

— Хорошо.

— Пол, ты понимаешь, что случилось с твоими родителями?

— Да, доктор А.

— Ты понимаешь, что это был несчастный случай? Что это не твоя вина?

— Да, доктор А.

— Ну хорошо, малыш.

Она носила изящное серебряное ожерелье с маленьким сапфировым кулоном под цвет глаз, которое выглядело как семейная реликвия. Я помню, как оно покоилось в ложбинке между грудей, гармонируя с бледным оттенком ее

кожи. Психотерапевт оказалась доброй теткой, и мы легко нашли общий язык. Она чем-то походила на жену моего дяди, которую я звал тетей Пэм, а позже, по ее просьбе, просто Пэм. Когда после той катастрофы я пошел к ним жить, она была очень добра ко мне. И великодушна. Так как мой дядя часто бывал в разъездах, мы с Пэм проводили много времени вместе. Она научила меня разбираться в жизни. Но вот что странно: когда я о ней думаю, то почему-то не могу воссоздать черты ее лица. В моей памяти они размыты до неузнаваемости.

* * *

Мы и сами себе много чего говорим. Много приятной, обнадеживающей лжи.

Когда мы с Ребеккой поженились... Бог мой, да первое время мы были без ума друг от друга! Никого больше не существовало в подлунном свете — только двое необузданных, наивных детей. А какие у нее глаза! Страстные, подернутые поволокой, сонные, но при этом пронизательные. Я был беззащитен против них. И мы были безнадежно влюблены. Это было прекрасно. И глупо. И я верил тогда — действительно верил, — что мы видели друг друга насквозь. И в некотором смысле, я полагаю, так оно и было.

Казалось, мы с Ребеккой занимались любовью все дни напролет. В тот момент, когда ее полные страсти губы целовали мои, я тонул в этих глазах, жадно поглощавших меня, а ее темные распущенные волосы окутывали наши лица.

— *Ты любишь меня?*

— *Отчаянно, Маду.*

— *Ты мне так нужен.*

— *Ты меня получила. И получила меня полностью.*

— *Любимый, мне надо, чтобы ты меня сейчас трахнул.*

Наше время имело свойство быстро улечиваться, когда мы запутывались в простынях, или шли в душ, или находили творческое применение нашей подержанной мебели,

которая уже успела поднакопиться. И только когда мы с любопытством оглядывались по сторонам, будучи уже в полном изнеможении, мир вокруг нас возвращался к какому-то подобию порядка.

* * *

Когда ты молод и склонен к риску, тебе все кажется доступным. Все двери мира открыты перед тобой. У тебя красивая молодая жена с сочной, упругой задницей, а слова, которые она говорит, дают тебе возможность чувствовать себя немного расслабленным — насколько ты можешь себе это позволить. В некотором смысле ты чувствуешь себя уязвимым, но ты одобряешь такую уязвимость. У тебя нет необходимости быть сильным постоянно, потому что ваши отношения кажутся крепкими. Брак как будто накрывает тебя непроницаемым куполом, защищая вас обоих от внешнего мира.

Ну не то чтобы ты действительно нуждаешься в защите, ведь все в твоей жизни замечательно. Ты руководишь процветающим строительным бизнесом. Людям не терпится построить себе новый дом. Ты едва успеваешь делать одновременно все взятые проекты, но когда тебе подбрасывают еще один — да кто ты такой, чтобы сказать «нет»? И берешься за него. Ты справишься. Ты здесь король. Ты жонглер, способный удержать в воздухе с десяток мячиков. И ты даже можешь выделить время, чтобы вырыть котлован, залить фундамент и на нем выгнать цоколь для дома своей мечты, где ты планируешь жить со своей великолепной женой. Которая, между прочим, тоже убивается на работе. И когда вы ложитесь в постель (она снизу, ты сверху), она смотрит на тебя так, как будто весь мир у ее ног. И тебе тоже кажется, что ты взобрался на вершину мира. В конце концов, так оно и есть. Это все ты. Ты охрененный мужик. Ты имеешь весь этот чертов мир.

Но вдруг реальность обрушивается, и кажется, что на тебя упал мешок, набитый пятицентовиками. Рынок раз-

валивается, строительство останавливается, и теперь... теперь ты уже никого не можешь поиметь. Деньги тут же испаряются, и ты внезапно обнаруживаешь, что у тебя дюжина не доведенных до конца проектов, у которых нет никакой перспективы для завершения. Мячики ловить не получается, и они падают на пол один за другим. Сплошная черная полоса, никакого просвета — все, ты полностью облажался. Расходы никуда не делись, а доходов все не видать. И твое честолюбие теперь преследует тебя.

А ведь есть еще и эго, и оно постоянно грызет тебя изнутри. Жена все понимает. Нет, правда-правда. Она тебя слушает, демонстрирует сострадание, старается поддерживать. Но она может слушать только то, что ты ей рассказываешь, а ты же не все рассказываешь, да? Ты не говоришь ей, что на самом деле ест твои кишки по ночам и не дает тебе спать, даже когда лежишь с ней рядом тише воды. Она-то думает, что ты крепко спишь. Не хочешь обременять ее всем этим. Зачем ей это знать? В конце концов, это же ты охрененный мужик. По крайней мере, ты им был.

Ты попал в другую реальность, оказался в преисподней. А твоя красивая харизматичная жена, которая могла бы продать даже шерсть овце, продолжает заколачивать бабки на своей работе. Пораженный, ты в какой-то момент начинаешь думать, что все это совершенно не случайно. В стране экономический спад, и антидепрессантов на всех просто не хватает. Похоже, у судьбы есть чувство юмора.

Ты сидишь дома и пытаешься найти способ воскресить свою карьеру. Ты карабкаешься, роешь землю, обращаешься к любому, кто готов принять твой звонок. Пытаешься что-то придумать. Что-нибудь. Но у тебя ничего не выходит. А все эти яркие, блестящие награды на каминной полке смотрят на тебя — свидетельства успешных продаж твоей жены и ее доминирования в той сфере. Они смотрят на тебя сверху вниз, осуждают, жалеют. И размышляют — а что ты на самом деле за мужик?

Конечно, ты не сразу опускаешься на самое дно, но удар все равно достаточно сильный. А пока этим дерьмом занимается твоя жена. Потому что ты больше не можешь. Женщина, которую ты ласково называешь «Маду», твоя голубка, теперь заботится о тебе, потому что ты не можешь быть мужчиной. Хоть ты никогда и не был тряпкой, но в данный момент ты жалеешь себя, не так ли? И ей это наверняка надоест.

Она никогда не выдаст своего отношения к ситуации, но ты увидишь это в ее глазах. Она очень обходительна с тобой и сначала обращается к твоей гордости. Она чаще позволяет тебе проявлять инициативу, и это больше похоже на уступку. Если раньше вы танцевали плавно и органично, то теперь ты чувствуешь, как она позволяет тебе вести себя. И когда вы с ней все-таки занимаетесь любовью, она больше не смотрит тебе в глаза и ты едва можешь заставить себя встретиться с ней взглядом. Ее тело потеряло гибкость. Она не открывается тебе так, как раньше, и не отдается тебе с прежней решительностью. Вы по-прежнему рядом — но не вместе.

Ситуация тянется годами. Вы пытаетесь поддерживать внешние признаки здорового, функционального брака: взаимное уважение, поддержку, заботу. И все это действительно присутствует. Но появилось что-то еще — что-то, размывающее грани и разъедающее суть ваших отношений. Вы чувствуете это в своей повседневной жизни, и все же ни один из вас не хочет — или не может — признаться в этом. Но оно определенно влияет на вашу сексуальную жизнь. Теперь ты находишься в том положении, когда тебе больше не интересно заниматься любовью. Хочется чего-то более грубого, животного, чтобы удовлетворить свою потребность.

* * *

Шейла была ошибкой. Я понимаю это теперь, когда смотрю на вещи по прошествии времени. Я никогда не хотел, чтобы

случилось нечто подобное, но это все равно произошло. Когда мы встретились, я сидел без работы уже два года, по-прежнему продолжая искать первую ступеньку лестницы, ведущей к успеху. Мои ежедневные прогулки в бухту с Пончиком превратились в ритуал, который вытаскивал меня из домашней тюрьмы и помогал сосредоточиться, чтобы приблизиться к следующей замечательной идее.

Шейла жила в паре кварталов от нас и часто водила собаку на прогулку примерно в то же самое время, когда мы с Пончиком выползали на улицу, чтобы размяться. У нее были пепельные волосы, которые она собирала в небрежный пучок, делавший ее непринужденной и сосредоточенной одновременно. Она была на пару лет моложе меня, от нее исходила манящая энергия, и я не устоял. Я вычислил график ее прогулок. Несколько дней мы просто вежливо махали друг другу рукой, но однажды я остановился и заговорил с ней.

— Доброе утро!

— Привет. Какой большой! Как его зовут?

— Пончик.

Она наклонилась, чтобы погладить его, и я успел заглянуть в вырез ее футболки и заметить кружево на бюстгальтере.

— Привет, Пончик! Хороший мальчик, хороший! А как зовут этого мальчика?

Она посмотрела на меня, и ее ярко-голубые глаза озорно сверкнули.

— Я Пол. Пончик вот умный. А я — большой и глупый зверь. Для симметрии.

Я отчаянно пытался удержать ее взгляд.

Она улыбнулась, и блеск на ее губах сверкнул в солнечном свете.

— Ну, по крайней мере, вы не пускаете слюни, Пол. Не будьте к себе так суровы.

Она пристально посмотрела мне в глаза, затем протянула руку.

— Шейла. А это Молли.

Ее ладонь оказалась теплой, а рукопожатие — крепким.

Собаки закончили обнюхивать друг друга, и, когда я наклонился, чтобы погладить ее черного лабрадора, Шейла неосознанно прикрыла свое обручальное кольцо другой рукой. В этот момент что-то во мне щелкнуло.

Мы занимались этим у нее дома, пока ее муж был на работе, а собаки бегали по двору. Мы делали с ней то, что я никогда не делал с Ребеккой, и с таким жаром и пониманием друг друга, которых я не чувствовал уже много лет. Шейла смотрела на меня, касалась меня и заставляла меня чувствовать себя так, как раньше — моя жена. И потому я позволил себе поверить, что испытываю к Шейле то же самое, что раньше — к Ребекке. В какой-то момент я даже убедил себя в этом. И вот тут-то я и ошибся. Я позволил себе думать, что влюбился.

3

РЕБЕККА

Ранее

Я вовсе не планировала спать с женатым мужчиной.

Я познакомилась с Полом, когда осматривала выставленный на продажу дом в Вудстоке, меньше чем через год после окончания колледжа. Конечно, мое финансовое положение не позволяло мне купить дом, но по выходным присматривала недвижимость в ближайшем пригороде, — достаточно близко, чтобы можно было добираться в город на электричке, но достаточно далеко, чтобы ненадолго уходить в другой мир. Я прогуливалась по обсаженной деревьями проселочной дороге или сидела на берегу океана, слушая плеск волн, и представляла себе, какой могла бы стать моя жизнь. Мне, признаться, уже надоело ждать ее прихода.

Я обходила по периметру один из первых интересных проектов, внимая болтовне маклера обо всех изысках дизайна выставленного на продажу дома, когда из-за деревьев, высаженных в дальнем конце участка, появился ОН. Казалось, он парил над травой, двигаясь с таким важным видом, что у меня сразу же закружилась голова. Это был самый красивый мужчина, которого я видела за всю свою жизнь. У него была густая копна каштановых волос и теплая улыбка, обнажавшая практически идеально ровный ряд зубов, если не считать крохотной щелочки в центре, — это оказалось для меня не менее сексуальным, чем его красивое тело. Красивые люди всегда притягивают к себе взгляды.

Он подскочил ко мне и взял меня за руку, вызвав явное неудовольствие маклера, вынужденного замолчать на сере-

дине фразы. Когда незнакомец положил мою ладонь себе на локоть, у меня подкосились ноги.

— По-моему, вас нужно немедленно спасать.

— Вы очень наблюдательны.

— Рад, что могу быть полезным.

Я ждала, когда же он отпустит мою руку, но этого не произошло, и я вцепилась в него покрепче, забив в землю первую сваю нашего будущего дома. Никогда еще прикосновение совершенно незнакомого человека не было для меня таким интимным и возбуждающим. Сердце у меня отчаянно колотилось, и я не сомневалась: мужчина чувствует его биение сквозь мои мышцы, кожу и одежду. Слишком нервничая и боясь ляпнуть какую-нибудь глупость, я ждала, когда же он снова заговорит.

— Так о чем вы думаете? Вы влюблены?

Я побледнела и закашлялась. Он кивнул на дом. Я взяла себя в руки.

— Да! Я влюблена. Я его обожаю.

— А ваш муж — он уже в доме?

— Я и сама еще не была в доме. Может быть, сегодня мой счастливый день.

— Кажется, сегодня именно такой день, не так ли? — Его легкость и уверенность в себе сводили меня с ума. Я одновременно и хотела получить его, и хотела стать похожей на него.

— Я люблю этот дом. Но...

Он театрально схватился рукой за сердце. Я обрадовалась, что при этом он не выпустил мою ладонь.

— Но?

— Он слишком велик для одного человека.

— Вы как никто другой произвели на меня сильное впечатление, и я рад, что у вас никого нет.

Не знаю, понял ли он, что я заметила, как он сунул руку с обручальным кольцом на пальце в карман пальто. Но, судя по тому, куда все шло, я решила, что это совершенно не важно.

— А вы? Вы влюблены?

— С первого взгляда.

Тут он поцеловал меня, и у меня подкосились колени. Он умело поддержал меня, как будто ему каждый день приходилось подхватывать теряющих сознание женщин. Потом он взял меня за руку и убрал с моего лица прядь волос. Мы направились в сторону леса, оставляя весь мир позади. Не колеблясь ни секунды, я позволила ему вести себя. Через каждые несколько шагов он сжимал мою руку, как будто сообщая что-то азбукой Морзе. Я отвечала ему тем же.

* * *

Позже, после того как все ушли и мы занялись любовью, он сказал мне, что приходил в дом, чтобы сделать последний штрих — повесить маленькое железное сердце, которое он выковал. Таким образом он как будто бы ставил автограф на законченных проектах. Он всегда изготавливал из железа какой-нибудь символ, значимый для покупателей. Однако в то самое утро он узнал, что построенный им дом выставлен на продажу, — брак потенциальных владельцев оказался недолговечным. И потому он отдал сердце мне и сказал: раз им любовь не нужна, мы можем забрать ее себе.

Позднее

Пол никогда не умел хранить секреты.

На его рабочем столе такой порядок, что я сразу понимаю: что-то тут не так. Это компьютер человека собранного и организованного. Пол, возможно, и вернул свою волшебную способность продавать, но организованнее он не стал. Или я так думала. У меня мелькает мысль — а не помог ли ему кто-то тут прибраться? И, возможно, этот кто-то молод и серьезен. Я глотаю очередную таблетку и задвигаю эту мысль подальше.

Его файлы разбиты на две колонки: в левой хранятся документы по строительным подрядам начиная с самых первых — они сгруппированы по адресам. В правой —

текущие документы. И еще есть отдельная папка с адресом Колд-Спринг-Харбор.

Я не обращаю внимания на файлы слева, потому что знаю: в них нет денег — ни наших, ни чьих-то других. Я глотаю шампанское и с досадой смотрю на симметричные значки, за каждым из которых скрывается чей-то дом мечты — мечты, которая никогда не осуществится. Я нажимаю на папку, где должна храниться информация о наших трех акрах земли в Колд-Спринг-Харбор. Там абсолютно ничего нет, за исключением имущественного акта. Я удивлена, какую боль мне причиняет эта пустота.

Пол купил этот участок в качестве свадебного подарка. В тот вечер, после бракосочетания, мы поставили палатку на нашей земле и легкомысленно начертили план этажа на коробке для пиццы, в которой был наш ужин. Мы поклялись, что все сэкономленные деньги будут идти на наш общий счет, который Пол открыл на оба наших имени. Отказ от медового месяца был первой из многих жертв ради нашей мечты.

Конкуренция оказалась главной движущей силой и для наших сбережений, и для сексуальной жизни. Если в какой-то месяц Пол откладывал 200 долларов, то я отказывалась от новой пары обуви, но откладывала 250 долларов. Он часто увеличивал взносы на следующий месяц. Растущий счет прекрасно укреплял наши отношения. И я, и он росли не в богатых семьях, поэтому возможность заработать и отложить деньги давала нам новое чувство власти и контроля.

Нас обоих захватило желание больше работать, больше зарабатывать, чтобы получить ощутимый результат. Каждое изменение счета в первые годы нашей совместной жизни казалось праздником. По мере увеличения суммы увеличивалась и надежность нашего брака. По крайней мере, так нам казалось.

Я захожу на наш банковский счет в третий раз за последние три часа. Непривычно небольшой баланс подтверждает реальность сегодняшнего кошмара. Неужели мы действительно так отделились друг от друга, что я перестала туда

Содержание

Пролог 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Ребекка 9

2. ПОЛ 22

3. РЕБЕККА 29

4. ПОЛ 40

5. РЕБЕККА 46

6. ПОЛ 54

7. РЕБЕККА 60

8. ПОЛ 66

9. РЕБЕККА 72

10. ПОЛ 78

11. РЕБЕККА 84

12. ПОЛ 90

13. РЕБЕККА 93

14. ПОЛ 102

15. РЕБЕККА 106

16. ПОЛ 112

17. РЕБЕККА 115

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

18. ПОЛ 119

19. УОЛКОТТ 128

20. РЕБЕККА 134

21. СИЛЬВЕСТРИ 143

22. ПОЛ 152

23. РЕБЕККА 156

24. ПОЛ 167

25. СИЛЬВЕСТРИ 173

26. РЕБЕККА 179

27. ПОЛ 192

28. УОЛКОТТ 195

29. РЕБЕККА 202

30. ПОЛ 211

31. СИЛЬВЕСТРИ 213

32. РЕБЕККА 216

33. УОЛКОТТ 217

34. РЕБЕККА 219

35. СИЛЬВЕСТРИ 224

36. ПОЛ 225

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

37. ШЕЙЛА 229

38. РЕБЕККА 232

39. ПОЛ 235

40. УОЛКОТТ 237

41. ШЕЙЛА 243

42. ПОЛ 249

43. РЕБЕККА 253

44. ШЕЙЛА 261

45. СИЛЬВЕСТРИ 267

46. РЕБЕККА 271

47. ШЕЙЛА 287

48. ПОЛ 289

49. УОЛКОТТ 291

50. ШЕЙЛА 295

51. РЕБЕККА 299

52. СИЛЬВЕСТРИ 309

53. ШЕЙЛА 311

54. ПОЛ 316

55. УОЛКОТТ 318

56. ШЕЙЛА 321

57. РЕБЕККА 325

58. ПОЛ И РЕБЕККА 331

59. УЭС 344

Эпилог 347

Літературно-художнє видання

СКОТТ Є. Дж.
Остання дружина
Роман
(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *А. В. Колеснікова*

Підписано до друку 29.04.2020. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 18,48. Наклад 3000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, г. Харків, ул. Б. Хмельницького, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

СКОТТ Е. Дж.
Последняя жена
Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. В. Колесникова*

Подписано в печать 29.04.2020. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 18,48. Тираж 3000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харків, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Ідеальні стосунки, плани на майбутнє, піклування й романтика — сімейне життя Пола й Ребекки було бездоганим. І навіть зраду Пола вони змогли пережити, не попросившись. Але все зруйнувалося, коли Ребекка почала стежити за чоловіком: а раптом він знову зрадить? Тут-таки вона виявила, що з їхнього спільного рахунку зник майже мільйон доларів. А також те, що Пол бреше про свої поїздки й зустрічі... І коли від довіри не лишається й сліду, Ребекка і Пол раптово стають спільниками у вбивстві.

Скотт Е. Дж.

С44 Последняя жена : роман / Е. Дж. Скотт ; пер. с англ. А. Ивахненко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 352 с.

ISBN 978-617-12-6118-1

Идеальные отношения, планы на будущее, забота и романтика — семейная жизнь Пола и Ребекки была безупречна. И даже измену Пола они смогли пережить, не распрощавшись. Но все разрушилось, когда Ребекка стала следить за мужем: а вдруг он опять изменит? Тут же она обнаружила, что с их общего счета исчез почти миллион долларов. А также то, что Пол лжет о своих поездках и встречах... И когда от бывшего доверия не остается и следа, Ребекка и Пол внезапно становятся соучастниками убийства.

УДК 821.111(73)